

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н.М. Ракитянский

DOI: 10.7256/2305-560X.2014.2.11478

РАССМОТРЕНИЕ ИСЛАМСКОГО МЕНТАЛИТЕТА (ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ)

Аннотация: В работе осуществлен концептуальный анализ феномена исламского менталитета с опорой на методологический потенциал принципа субъектности и догматического принципа. Исламский менталитет рассмотрен в единстве исторического, теологического, психологического и политологического аспектов. Показана связь политических менталитетов с монотеистическими религиозно-догматическими системами. В статье проведён сопоставительный анализ догматических истоков формирования иудейского, христианского и исламского менталитетов. Раскрыты кардинальные отличия трех монотеистических менталитетов в политологическом контексте. Означены фундаментальные основания феномена политической субъектности. Выявлены особенности корпоративно-национального, индивидуально-личностного типа политической субъектности, а также бессубъектный тип политического менталитета. Автор высказал мнение о влиянии ментально-догматических установок ислама на политико-психологические свойства мусульманского мира. Сделан вывод о том, что ислам, будучи феноменом сверхсознания, является для мусульман ценностью высшего порядка, которая определяет ментально-догматическое качество мусульманского политического мира. Сформулированы проблемы, основания и возможности политического взаимодействия с исламом.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, ислам, умма, политический менталитет, политический субъект, сверхсознание, бессубъектность, ментально-догматические установки, православно-исламский консенсус.

Догмат есть утверждённая вечных истин, противостоящих всякому вещественному, временному и историческому протеканию явлений.

А.Ф. Лосев

Политическая активизация ислама под флагом многочисленных и массовых движений, в том числе там, где мусульмане большинства не составляют, является трендом последних десятилетий. Достигнув стран Запада, эти движения вызвали там острое ощущение «исламской опасности» и дали повод для различных интерпретаций, в том числе иррациональных. Так, европейские интеллектуалы, не верящие со времен Эпохи Просвещения ни в Бога, ни в дьявола, вдруг увидели дьявола в мире ислама. Это мнение в inferнальных тонах выразил французский социолог О. Монжэн, который полагал, что со времен падения в 1989 г. Берлинской стены исламский дьявол, как никогда до этого, воплощал зло внешнего врага, ранее представленного коммунизмом¹.

¹ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. – М.: ИБВ, 2005.

Тем временем, ислам как неотъемлемая часть системы глобально-политической полиментальности смог не только сохранить, но и утвердить свои религиозные убеждения среди огромного числа людей. Мусульманство, как и прежде, видит своей целью нести свет веры в Аллаха всем не мусульманам. Оно исповедует свои догматы монотеизма, которые побуждают правоверных к непримиримому отторжению секуляризма и либеральной демократии. Так, теоретики Партии исламского освобождения (*Хизб ат-тахрир ал-исламий*), которая стремится к созданию всемирного халифата, считают, что демократия делает творцом законов человека вместо Бога и тем самым является безбожием, а концепция прав человека санкционирует внебрачные отношения и половые извращения и тем самым бросает вызов исламу.

Исламская цивилизация не связана напрямую с каким-либо географическим местоположением. Она охватывает весь современный континентальный и субконтинентальный мир – мусульманские общины существуют практически во всех странах. Ислам – это не только ре-

лигия, он объединяет народы, которые принадлежат к различным этносам, культурам, языкам и традициям от Европы до Азии, от Африки до Америки. При этом трудно говорить о какой-то единой исторической общности судеб этих народов. Их объединяет солидарность, основывающаяся не только на вере в Аллаха, но и особое мироощущение и мировидение. Им свойственна нерасторжимая связь с религией, которая есть и образ жизни, и система ценностей, и социально-экономические, и политические институты.

С момента своего появления ислам всегда стремился играть политическую роль. Так, в деятельности пророка Мухаммеда и первых четырех халифов отделить религиозную составляющую от политической практически невозможно. Именно политическими проблемами были обусловлены первые расколы в *умме*². В частности, центральным вопросом, разделившим умму на суннитов, шиитов и хариджитов, была проблема *власти* и вопрос о том, кто должен возглавлять умму – человек из рода Мухаммеда или любой благочестивый и праведный мусульманин³.

По меркам исторического времени Европа совсем недавно была на грани завоевания её сарацинами⁴. Христиане успели забыть о том, что вся Северная Африка и Сирия когда-то были христианами. Во время первого большого наступления арабов с 632 по 732 годы они потеряли свою независимость и были исламизированы. В свое время передовые отряды мусульман стояли в 200 км от Парижа и вблизи от Женевы. К 714 году армии мусульман захватили весь Пиренейский полуостров, за исключением горных районов северной Испании.

В 1453 г. пал Константинополь, в 1460 г. завоевана Греция, в 1540 г. северная Венгрия. В 1456

г. турки осадили Белград. Город удалось отстоять, однако 28 августа 1521 года он все же был захвачен. В 1529 и еще раз в 1683 гг. длительной осаде подвергалась Вена. В 1625–1633 гг. взяты под контроль морские порты северной Европы. Практически весь XVII-й век был временем противостояния Османской империи и Речи Посполитой. Шестьсот лет продолжалась война с христианством на Балканах. Лишь незадолго до Первой мировой войны балканские народы смогли сбросить с себя турецкое иго⁵. Ливан – «Ближневосточная Швейцария» ещё в начале XX века был страной с христианским большинством населения, а православное Косово совсем недавно стало мусульманским.

Ранние мусульмане ощущали себя носителями высокой духовной миссии. Они полагали, что Бог говорил с ними через своего Пророка на арабском языке и считали себя проводниками истинной религии и языка самого Бога. Множество мусульман погибло, участвуя в «священных войнах», чтобы распространить веру в Аллаха на весь мир. Ислам и сейчас отличается глубокой религиозностью своих последователей. Это – религия поклонения и предопределенности, оправдания делами и самопожертвования, нормативности и обрядовости.

Успех мусульманских завоеваний был результатом уникального стечения обстоятельств и проповеди новой и простой монотеистической веры. В ней имеется Пророк, Священное Писание, установленная форма молитв и обрядов, предписанные законы семьи, правила поведения и питания. С самого начала ислам претендовал лишь на то, чтобы усовершенствовать, но не уничтожить старые монотеистические религии – иудаизм и христианство. Стремительная военная экспансия осуществлялась в период становления в Европе послеримского мира с его крайней неустойчивостью, мозаичностью и политической инфантильностью. Мусульмане стремились завоевать этот мир благодаря самоотверженной вере в Аллаха, мужеству и стойкости воинов-бедуинов, их вдохновенности и жертвенности⁶.

Здесь представляется уместным отметить одно немаловажное обстоятельство, которое не могло не повлиять на формирование менталитета большинства мусульман – они никогда не были го-

² Умма (араб *أمة*) – арабское слово, означающее «община», «сообщество». В исламе умма обозначает сообщество верующих – уммат аль-му'минин, то есть весь исламский мир вне зависимости от стран, границ и национальностей. Умма вахида – «одно сообщество», в Священном Коране обозначает объединённый исламский мир. В настоящее время слово умма также может использоваться в западном значении как нация, например аль-умам аль-муттахида.

³ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 4. – С. 31, 54.

⁴ Сарацинами (греч. *Σαρακηνός* – «восточные люди») европейские авторы называли всех мусульман, используя в качестве синонима термин «мавры».

⁵ Абд-Эль Маши. Аллах в исламе. – Корнталь-Мюнхинген.: Изд-во «Свет на Востоке», 1983.

⁶ Кеннеди Х. Великие арабские завоевания. URL: // <http://lib.rus.ec/b/222837>

нимы. За всю свою историю ислам никогда не знал массовых жестоких преследований и репрессий, какие выпали на долю христианства и, особенно в первые три века его становления. Мусульман за веру не объявляли вне закона, не лишали имущества, не загоняли в катакомбы, не бросали на растерзание диким зверям.

Сейчас, в начале XXI века ни об одной другой религии не говорят и не пишут так много как об исламе. И дело не в том, что число мусульман в мире растет быстрее, чем число приверженцев других религий, а в беспрецедентной политической активности мусульманского сообщества. По мнению Г.И. Мирского ислам можно назвать самой жизнеспособной и сильной религией современности. Ни в одной другой религии нет такого большого числа верующих, страстно, самозабвенно и жертвенно преданных своей вере. Ислам ощущается ими как основа жизни и мерило всех вещей. Он притягивает все больше сторонников.

В истории и культуре ислама арабы всегда занимали центральное положение. Однако демографически они довольно рано потеряли первенство. В настоящее время арабы составляют менее пятой части мусульман – 15–17% из 1.3 млрд. человек. Наибольшее их количество проживает в Южной Азии – свыше 400 млн., или более 30% – в Пакистане, Индии, Бангладеш⁷.

Ныне умма – это около 40 стран с мусульманским большинством, еще приблизительно 25 стран, где мусульмане составляют компактное меньшинство. Это и несколько сот влиятельных международных и региональных движений.

Простота и доступность устоев этой религии, отсутствие сложных метафизических конструкций, способность дать целостную и понятную картину мира и общества – все это привлекает к исламу новые массы людей, которым близки идеи справедливости. «Цивилизация бедных», «примитивная религия», «самая воинственная религия», «религия нетерпимости и фанатизма», «религия пустыни», «религия бесконечного умаления человека» – как только не называли ислам, но эти ярлыки не объясняют сути мусульманского вероисповедания⁸.

Издравле религия в наибольшей степени отражает духовную близость или различия

групп населения, общностей, регионов и стран, поскольку в ней отражены основные ментальные, культурные и цивилизационные особенности тех или иных этносов, национальностей и конкретных людей. «Действительно, – писал А.Ф. Лосев, – в религии мы находим какое-то особое, специфическое самоутверждение личности. Это какое-то *принципиальное* самоутверждение, утверждение себя в своей *последней основе*, в своих *исконных бытийственных корнях*. Мы не ошибемся, если скажем, что религия есть всегда то или иное *самоутверждение личности в вечности*. <...> Религия есть *осуществленность* мировоззрения, *вещественная субстанциональность* морали, *реальная утвержденность* чувства, причем эта осуществленность – всяческая, и прежде всего, чисто телесная, субстанциональность – всяческая, и прежде всего, ощутимо физиологическая»⁹.

Проблема субъекта¹⁰ в исламе

Между языческой чувственностью (мед) и христианской духовностью (вино) Ислам, в самом деле, есть здоровое и трезвое молоко: своими общедоступными догматами и удобоисполнимыми заповедями он питает народы, призванные к историческому действию, но еще не доросшие до высших идеалов человечества.

В.С. Соловьев

Более века назад вопрос о значении ислама в рамках проблемы цивилизационного противостояния Запада и Востока пытался решать В.С. Соловьев. Он видел в исламе ориентальный бунт против христианства, породившего большое количество ересей, позже нашедших своеобразное воплощение и выражение в исламском вероучении. Мусульмане, – считал философ, – имеют перед нами то преимущество, что они живут по закону своей религии, так что хотя вера их не истинна, но жизнь их не лжива.

⁹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Академический проект, 2008. – С. 134–135.

¹⁰ От лат. subjectus – лежащий внизу, подлежащее, находящийся в основе. Субъект – индивидуальный или групповой как активный источник познания и преобразования действительности, осуществляющий изменения как в себе самом, так в и других субъектах. Субъектность человека основывается и проявляется в его самосознании, самодетерминации и самопроектировании.

⁷ Белокреницкий В.Я. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. – С. 89–103.

⁸ Мирский Г.И. Ислам: история и современность. 2010. URL: // http://www.hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Mirskij_2010.pdf

Ислам является одной из трёх монотеистических религий, которые имеют *догматический*¹¹ характер¹², утверждают вечные истины и исповедуют¹³ единого трансцендентного Бога. Но во взглядах на отношения людей с духовной сферой между этими вероисповеданиями имеются кардинальные расхождения, которые в свою очередь являются основанием для формирования существенных ментальных отличий больших масс людей.

Так, исторически первая монотеистическая религия – иудаизм исповедует то, что человек был создан по образу и подобию Божьему [Быт. 1: 26], что определяет безусловное первенство человека в мире и его могущество среди всего сотворенного [Быт. 1: 26]. Все откровения Бога в Ветхом Завете носят *личный* характер. Бог в иудаизме – не понятие, не абстракция, не идея, но живая Личность. При этом иудаизм исповедует *совокупную личность* – личность Израиля, которая как *целостный субъект* – народ Израилев предстоит перед абсолютным Богом. Вместе с тем Бог в иудаизме, по определению, не имеет ни тела, ни образа, и не может быть представлен в какой-либо форме или конкретной личности. И, хотя Моисей (XIII век до Р. Х.) по преданию видел Бога, но видел он его в лишь образе ангела. Сущность Бога в иудаизме остается недоступной для человеческого видения. Тем не менее, сама *личность* Бога воплощается в едином *избранном народе*, что еще более подчеркивает значение особого, *совокупного личностного* начала в иудаизме. Этот догмат и обуславливает необыкновенную *адаптивность*, родовую *солидарность*, внутреннюю *сплоченность*, общинную *автономность*, национально-корпора-

тивное *родство*, *преемственность* и *целостность* всех евреев, как в пространственном, так и в историко-временном аспекте.

Стратегии мышления, как и поведенческие особенности евреев, также определяются сущностью религиозного догмата иудаизма, который они выражают, независимо от места и времени. Собственно поэтому иудаизм, долгое время даже не имевший своего государства, всегда являлся не только уникальным – *совокупным супер субъектом* политики, но мощным геополитическим центром влияния.

Христианство исповедует *вочеловеченого* Бога, явленного в реальной *личности* Христа, который «есть путь и истина и жизнь» [Ин.14:6]. Этот открывающий себя человеку Бог является творцом окружающего мира. Он един, абсолютен и трансцендентен, т.е. он пребывает вне мира, и несводим ни к каким вещам. В истории человечества этот догмат предстал началом и основанием качественно нового – индивидуального *субъектного*, креативного мышления, которое стало утверждаться с IV века в связи победой христианства в Imperium Romanum.

Исповедуя такого Бога как самую суть веры, христианин не признает свою изначальную обусловленность естественным, природным порядком вещей, что является необходимым следствием догмата о трансцендентности Бога и креативного догмата. Согласно христианскому учению, этот абсолютный трансцендентный Бог воплотился в человеке. Значит, не какая-то природная энергия, космическая эманация, сила или мысль осенила человека, но абсолютный и трансцендентный Бог, стоящий вне природы – «в мире Он был, и мир через Него начал быть» [Ин. 1:10]. То есть весь мир начал быть из Богочеловека, «Который просвещает каждого человека, приходящего в мир» [Ин. 1:9]. Именно поэтому современный человек, *верующий* или *не верующий*, но живущий в тысячелетнем пространстве христианской ментальности, воспринимает себя индивидуальным и уникальным *субъектом* как нечто само собой разумеющееся. И все это при том, что в природе, в космосе, во всем, что нас окружает, нет, и не было никаких естественных оснований для появления индивидуального *субъекта* и формирования *субъектного* мышления¹⁴.

¹¹ Догмат, догма от др.-греч. δογματιζω – учение, мнение, постановление, общее убеждение, утверждение. Англ. dogma; нем. Dogma. Это установление, положение или мнение, принимаемое на веру за неопровержимую истину и признаваемое бесспорным без доказательства, т.е. догмат – утверждается, но не доказывается. Религиозная догма – официально сформулированное и утверждённое высшими инстанциями положение вероучения, объявляемое непреложной истиной.

¹² Ракирянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 6. – С. 90–103.

¹³ Исповедание от греч. еxομολογεῖν – «признаю, исповедую», т.е. безусловное признание и соблюдение установленных, аксиом, постулатов, принципов и догматов; следование им в повседневной жизни и практической деятельности. Например: «исповедовать строго нравственные принципы», «исповедовать веру» и т.д.

¹⁴ Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб.: ОВИЗО, 2002. С. – 83.

Таким образом, *мышление* в иудаизме и христианстве по своей сути не только исключительно *догматично*, так как оно *утверждает* себя без каких-либо доказательств, но оно ещё и *субъектно*. В его основании лежит откровение трансцендентного абсолютного Бога, «творца неба и земли, всего видимого и невидимого».

Ислам с момента своего возникновения в VII веке также исповедует единого трансцендентного, абсолютного, но при этом – *абстрактного* Бога, принципиально не соотносящегося с человеческой личностью, с *совокупным* или *индивидуальным* субъектом. Если в христианстве *личность* Иисуса *есть Слово Божье*, пришедшее воплощенным в этот мир, то в исламе, напротив, Богу догматически придан атрибут книги – Священного Корана. Следует подчеркнуть, что в мусульманстве Бог *не личность* и *не субъект*. При этом *Слово Божье есть Коран*, его текст и содержание.

Ислам отвергает идею онтологического преобразования человека через обретение им *личности* в Богочеловеке. Религиозная доктрина ислама, признавая и почитая пророков Ибрагима (Авраама), Якуба (Иакова), Мусу (Моисея), Дауда (Давида) вне контекста еврейской религиозной догматики, отрицает исключительность народа Израилева.

Ислам также признает событийную сторону предания о Христе как о реально существовавшем человеке, которого арабы звали Иса бен Мариам, но делает это вне его богочеловеческого смысла, отказывая христианству в реальности *Боговоплощения* Иисуса. Мусульманин не может себе представить, что у Господа Бога есть Сын, Который равен Ему по величию и власти. Ислам не признает, что Иисус Христос, Который «явился во плоти» [1 Тим. 3], уже по рождению Своему выше самого Мухаммеда.

Все пророки пророчествовали по действию Самого Господа, по Его действию Свыше. Они пророчествовали от Самого Всемогущего и Вездесущего Бога, возвещали истину Самим Духом Божьим, будучи наставляемы Духом Господним Святым. Но по Корану, Мухаммед даже не был удостоен явления Бога, не общался с Создавшим мир Творцом Всемогущим, не говорил с Создателем вселенной. Вседержитель мира не являл Себя Сам как, например, Моисею. Вместо Бога Мухаммед общался с Джибрилом. Путь явления Джибрила, а не Самого Владыки мира, назван «прямым путем». По Корану, нет более прямого пути, чем явление посланника-ангела вместо Самого Вечного, Вездесущего и Всемогущего, Безначального и Бесконечного Бога, Создавшего

мир, Сотворившего человека и всех ангелов. Таким образом, догматика ислама подчеркивает возможность Мухаммеда как лучшего из людей лишь *передать* слово Божье, но *не воплотить* в себе самого Бога. Только в исламе и, особенно в суннизме между человеком и Богом проведена практически непреодолимая граница¹⁵. Именно в этом проявляется фундаментальное отличие мусульманства, на основании которого в исламском менталитете сформировалось совершенно иное, несхожее с иудаизмом и христианством догматическое *бессубъектное* мышление. Из всех монотеистических менталитетов, – считает В.В. Можаровский, – ислам является абсолютно *бессубъектным*¹⁶.

Итак, ислам исключает любую реальную соотнесенность между человеком и Богом, представленную как в богоизбранном *народе* Израиля, так и в *личности* христианина. В мусульманстве человек создан не по «образу и подобию Бога» [Быт. 1:26], а по его собственному виду и образу [Коран 64:3; 82:6–8] и *субъектность* Бога не имеет смысла. Поэтому для правоверного характерен акцент в первую очередь на *ортопраксию*¹⁷, т.е. на строгой *дисциплине* каждодневного религиозного обряда. Так, в повседневной массовой и индивидуальной религиозной практике чрезвычайно важно выполнять жестко регламентированный свод обязательных нормативных действий, правил и ритуалов. Совершая молитвы, мусульманин ежедневно 34 раза опускается перед Аллахом на колени. Молитва в исламе – это *необходимость*, это предписанная к неукоснительному выполнению *норма* и *закон*. Перед каждым молитвенным часом мусульманин должен помыть по порядку кисти рук, рот, нос, лицо, руки до плеч, волосы, уши и ноги, чтобы чистым предстать перед Аллахом. Тот, кто нарушает порядок омовения, молится без пользы¹⁸.

Исламу в отличие от христианства не открыта истина в любви как одна из основ сущности сверхбытия Бога и важнейшего требования духовной жизни, так как в мусульманском богословии Аллаху не приписывается качество любви. Ислам не

¹⁵ Умнов А.Ю. Глубинные корни фундаментализма. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. – С. 89–103.

¹⁶ Можаровский В.В. Указ. Соч. С. 199.

¹⁷ От греч. orthos и praktikos – «правильное делание», обрядность.

¹⁸ Абд-Эль Маши. Почему мусульманину трудно стать христианином? URL: // <http://mission-center.com/islams/abdel.htm>

знает, что такое евхаристия¹⁹, спасающая человека божественной любовью²⁰.

Поскольку совершенная вера выражается в любви не к Богу, а к шариату²¹, то основной принцип в исламе – жизнь в законе и под законом, – веками формировал своеобразное обрядовое мышление. Правовой мусульманин должен знать и соблюдать законы шариата – обязательные к неукоснительному исполнению нормы права, основными источниками которого являются Священное писание – Коран и Священное предание²². Как следствие ислам является по преимуществу религией общественной и политической²³, но не напряженной духовной жизни человека. Для ислама всегда большее значение имело в первую очередь практическое *внешнее* поведение правоверных, чем их *внутренние* религиозные чувства, мысли и духовные переживания²⁴.

Здесь мы можем заметить, что в своё время большая часть монофизитов Египта или несториан²⁵ Сирии, которые отрицали реальное вочеловечение абсолютного Бога, влились, в конечном счете, в исламский мир. Они приняли догматику ислама, которая отстаивает как раз

¹⁹ Евхаристия (греч. *ευχαριστία* – благодарение), Святое Причастье – главнейшее в христианстве таинство, которое соединяет человека с Богом.

²⁰ Хвыля-Олинтер А. Особенности радикальных направлений ислама // Материалы научного семинара. Выпуск № 5. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 83.

²¹ От араб. шариат: рамка, канон, правильный путь к цели. Шариат – совокупность правовых, морально-этических и религиозных норм ислама, охватывающая значительную часть жизни мусульманина и провозглашаемая в исламе как «вечное и неизменное» Божественное установление; одна из конфессиональных форм религиозного права.

²² Священное предание у суннитов – повествования о жизни пророка Мухаммеда; у шиитов – рассказы о жизни пророка и его двоюродного брата, зятя Али. В суннизме традиция утверждает отсутствие посредников между Богом и человеком. В шиизме же та же традиция закрепляет роль посредника за духовенством.

²³ Зинченко М.С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса (на материалах Северного Кавказа): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2010.

²⁴ Хвыля-Олинтер А. Указ. Соч. С. 83.

²⁵ Монофизиты утверждали, что Христос был только Богом и в качестве абсолютного трансцендентного начала не мог быть человеком; несториане же утверждали, что Иисус был только человеком и не был Богом – и в том и в другом случае Бог исповедовался только трансцендентным, не воплощенным в человеке.

абсолютного трансцендентного Бога, отрицая какую-либо возможность его реального вочеловечения в конкретном *субъекте*. И наоборот, например, среди православных русских до последнего времени практически отсутствовали прецеденты перехода в ислам как результат сознательного отказа от воплощенного в Христе высшего идеала человека.

Так как в исламе сама мысль о Богочеловеке воспринимается как недопустимая и страшная ересь, секуляризм и атеизм в широких кругах мусульманских масс невозможен в принципе. Если он и существует, то в весьма узкой среде мусульманских политических, интеллектуальных, финансовых элит и различных маргинальных групп как результат их вестернизации и либерализации при активном прозелитизме западных партнеров²⁶. Кроме того, в мусульманстве до сих пор сохраняется императивное толкование выхода из ислама исключительно в криминальном контексте как одно из тяжких преступлений²⁷, которое должно караться смертью. «Мусульманин, родившийся в правоверии, если оставит оное, подвергается смертной казни, и убить его предоставляется на волю каждого»²⁸. В этом контексте утопическими выглядят утверждения руководителя Центра методологии и информации Института динамического консерватизма А.И. Фурсова о возможности и необходимости «цивилизационной перекодировки ислама»²⁹.

Между тем в отличие от мусульманства, в христианской Европе через протестантизм в эпоху *modernity* возник секулярный догмат Человекобога с концепцией гуманизма как *религии человекобожия*³⁰. Следствием такой кардинальной инверсии

²⁶ Умнов А.Ю. Модернизм и фундаментализм. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции. / Отв. ред. – В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 103–110.

²⁷ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания и социокультурной организации. Исторический опыт и российская ситуация // Материалы научного семинара. Выпуск № 5. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 47.

²⁸ Изложение начал мусульманского законоведения. – М.: Адир, 1991. – С. 470.

²⁹ Фурсов А. Конец постсоветской эпохи. URL: // <http://oko-planet.su/politik/politikmir/99505-andrey-fursov-konec-postsovetskoy-epohi.html>

³⁰ Перевезенцев С.В. Русский выбор: очерки национального самосознания / С.В. Перевезенцев. – М.: Русский мир, 2007. – С. 318.

явился антропоцентризм и атеизм, поразившие евроатлантическую цивилизацию с её различными проявлениями безбожия и политеизма, которые паразитируют на христианской религиозной традиции.

Заканчивая этот раздел, отметим, что религиозная *вера* в исламе, будучи, как и в любом монотеизме, феноменом *сверхсознания*³¹, выступает для мусульман как ценность высшего порядка. Эта *вера*, будучи веками неизменной, выражается понятием *догмата* и является базовой системой *априорного* знания об основах мироздания и смысле человеческого существования.

Монотеизм ислама, догматически отвергая *личностные* и *субъектные* установки иудаизма и христианства как наделенные особым смыслом и реальной значимостью, сам по себе принципиально *бессубъектен*. Неудивительно, что маленький, но *супер субъектный* Израиль со своими англо-американскими союзниками успешно противостоит огромному как океан, но аморфному, разобщенному, внутренне конфликтному и главное – *бессубъектному* исламскому окружению.

Предмет веры в исламе также конкретно не представлен в каком-либо *субъекте*, что предопределяет фундаментальные догматические и ментальные различия с иудаизмом и христианством.

Исламский менталитет в контексте принципа субъектности

Мир Ислама не породил универсальных гениев, он не дал и не мог дать человечеству «вождей на пути к совершенству»... Основная ограниченность в миросозерцании Мухаммеда и в основанной им религии это отсутствие идеала человеческого совершенства или совершенного соединения человека с Богом, идеала истинной богочеловечности.

В.С. Соловьев

Истоки принципа субъектности восходят к античной философии. Сократ был первым, кто сформулировал основную установку *принципа субъектности* – нацеленность человеческого бытия на самого себя. В формуле «Познай самого себя, и ты познаешь весь мир» заложено понимание субъект-

ности как самосознания, которое в учении Сократа выступает как стержень личностного сознания и поведения.

Принцип субъектности в том или ином виде развивался в трудах Платона, Аристотеля, Сенеки и других античных авторов. И только в христианском мировоззрении он получает принципиально новое выражение и воплощение. Здесь он связан с идеей создания, сотворения – *creatio*. Если для языческого античного мира и более поздних политеистических религиозных верований идея творения как рождение качественно нового созидательного содержания бессмысленна, то в христианском мировоззрении она главенствует.

В христианском менталитете мир представлен как результат уникального акта творения по воле Творца, который создает «из ничего» не только законы природы, но и сам субстрат, материю. Мир существует не сам по себе, а по причине его созданности Богом. Христианство придает человеку не только особый, но и высший статус по отношению к окружающему природному миру. Этот статус связан с пониманием сущности человека как «образа и подобия Бога». В связи с этим божественный волевой акт творения оказался возможным и необходимым спроецировать на человека как на «образ и подобие Бога», в результате чего человек предстает как потенциальный и реальный обладатель творческой *воли*³².

Впервые в истории человечества христианство утвердило идею об особом достоинстве каждого человека как *личности*. В отличие от ислама христианство утверждает возможность и необходимость духовной связи каждого человека с Богом. Благая весть, которую принес людям Христос, – это весть о спасении людей от смерти, о приобщении их к духовной жизни в «Царствии Божьем» [Мф. 6, 13, 31–36; Лк. 13, 17, 18; 21. Ин. 18:36]. Духовная связь – *religare* – между Богом и человеком мыслится в христианстве возможной лишь потому, что Бог и человек рассматриваются как *личности*.

Именно *личность* есть образ Божий в человеке и, следовательно, в человеке есть божественное начало и это начало не только *природная* сила, но и *внеприродная* способность стать личностью. В православной антропологии личность – это степень приближения человека к Богу. Как пишет В.

³¹ Ракитянский Н.М. Феномен и концепт сверхсознания в политической психологии // Мир и политика. 2013. № 6. – С. 236–235.

³² Перевозчикова Л.С. Становление субъектности как основополагающего принципа западноевропейского гуманизма // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. – С. 253–262.

Лосский, человек, как и Бог, существо личное³³. В христианском мировоззрении впервые в истории конкретная личность стала считаться выше природы, она становится богоподобным *субъектом*.

С идеей личности как «подобия Божия» связано понимание человека как трансцендирующего существа. Это значит, что личность трактуется как *субъект* творчества, который определяет себя через созданный им самим смысловой, *субъектный* мир. Этот божественный дар выводит человека за пределы естественной необходимости, ведь человек «призывается быть сотворцом, соучастником Бога. Он как бы становится его подобием на земле»³⁴. Значит, обретя «подобие Божие», человек тем самым приобретает способность быть *субъектом* творения, выступать в качестве полагающего начала, реализовывать свои богоподобные креативные способности.

В современной психологии понятия «субъект» и «субъектность» связаны с тремя их фундаментальными основаниями: с *самосознанием, самодетерминацией и самопроектированием*. В онтогенетическом плане субъект – это человек, являющийся основанием собственного становления и развития – личностного *самосотворения*. В научной психологии одной из базовых способностей субъекта деятельности признаётся способность к *рефлексии*. Психологическим содержанием рефлексии является способность делать предмет осознания, прогнозирования и проектирования свое будущее и практически его осуществлять. Эта способность включает в себя возможность анализировать своё прошлое как историю своего развития, на основании этого анализа оценивать своё настоящее и *проектировать* своё будущее, создавать не только социальную среду, но и политические средства своего развития, практически осуществлять переход из своего прошлого в своё будущее.

Принцип субъектности был радикально редуцирован в эпоху Реформации. Так, протестанты, отвергнув догмат о спасающей роли церкви, разорвали соборное, коллективное сознание человека, акцентировали все усилия на его индивидуальном «спасении», направили всю энергию на субъектную, креативную самореализацию в экономической, социальной, научной, политической

и иных сферах земной жизни. Именно для протестантского менталитета, который стал ядром и эталоном современной евроатлантической цивилизации сам *индивид* – последняя и высшая инстанция. Таким образом, протестантизм открыл себе путь для безудержной *субъектной экспансии* в геополитическом пространстве новейшей истории.

В монотеизме ислама сочетание с одной стороны абсолютной *догматичности* и, с другой стороны, абсолютной *бессубъектности* определило собой то обстоятельство, что в исламском менталитете исторически не получило развитие *самодетерминирующее* индивидуальное *субъектное* начало³⁵. Исламское общество веками отдавало предпочтение не *личному* развитию человека, а интересам общины. Мусульманин в отличие от европейского секуляризованного буржуазного индивидуалиста всегда должен ощущать свою принадлежность к «умме» – всемирному сообществу единоверцев. Не случайно значения ислама в арабском языке – «предание себя», «отдача», «покорность». По словам Г.И. Мирского ислам – это больше, чем религия – это также сильнейший фактор идентичности и цивилизационной солидарности³⁶.

Ислам никогда не рассматривал человека как *личность* в иудейском *корпоративно-национальном* или христианском *индивидуально-личностном* понимании. Более того, Абд-Эль Маши считает, что обычный мусульманин не осознает себя как самостоятельное «Я», он живет в сознании «Мы» своего рода, им руководит дух коллективной одержимости. По понятиям мусульман Аллах так велик, что он один определяет судьбы всех людей. Счастье, катастрофа, смерть, несчастье и неудача – всё приписывается воле Аллаха. Фатализм как вера в predeterminedную, неотвратимую судьбу – глубоко коренится в исламе и сковывает творческую активность правоверных³⁷. По мнению Л.С. Васильева, мусульмане были более склонны, не вдаваясь в глубины интеллектуальных поисков, ориентироваться главным образом на жесткую религиозную догму ислама, на сформулированные им принципы жизни³⁸. Собственно, поэтому в

³³ Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной церкви. – М.: СЭИ. 1991.

³⁴ Пико дела Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. – М.: Олма-Пресс, 2001. – С. 13–17

³⁵ Можаровский В.В. Указ. Соч. С. 167–191, 200.

³⁶ Мирский Г.И. Указ. Соч.

³⁷ Абд-Эль Маши. Почему мусульманину трудно стать христианином? 2013.

³⁸ Васильев Л.С. История Востока. – М., 2005. – С. 185.

отличие от других монотеистических менталитетов, ислам лично не интенсивен. Он не обладает необходимыми ментально-догматическими основаниями к напряжённой, индивидуальной мобилизационно-креативной, высокопродуктивной научно-технической, информационной, финансовой, культурной и ко всем подобным видам субъектной экспансии.

Абд-Эль Маши пишет о том, что в системе исламского образования на первом плане стоит не активное мышление, понимание и ответственное участие, а пассивное восприятие и послушное усвоение. Эта особенность обусловлена иррациональной, сверхсознательной ментально-догматической установкой ислама – Аллах за всех думает и за всех решает. При этом мусульманин не имеет права критически относиться к Священному Корану, он должен пассивно усваивать его, по возможности заучивать наизусть и интуитивно, наполнившись исламским духом, жить и думать, в соответствии с воспринятым. Кто из христиан знает наизусть хотя бы одно Евангелие? А среди мусульман немало таких, кто знает наизусть весь Коран или хотя бы значительные его части³⁹.

Ментальные установки, сформированные религиозными догматами ислама, в значительной мере определяют важнейшие психологические особенности мусульман. Современному миру не известны имена выдающихся математиков, физиков, биологов, философов, финансистов, художников и т.д. – представителей исламского сообщества. Особенности исламского мышления проявляются, например, и в таких фактах – среди ученых в мире всего 1 % мусульман. В одном Израиле больше ученых, чем во всем мусульманском мире. В арабских странах ежегодно переводится около 330 иностранных книг – в пять раз меньше, чем в одной маленькой Греции. Исламские страны в среднем тратят 0,3 % валового национального продукта на научные исследования – в 8 раз меньше среднемирового значения⁴⁰. По данным Международного банка, общий экспорт арабских стран, если исключить из него нефть и газ, уступает экспорту Финляндии. В этой связи интересно заметить, что, например, основоположниками современной арабской прессы, в частности каирской газеты «Аль-Ахрам», которая впоследствии

стала ведущей газетой всего арабского мира, были сирийские и ливанские христиане⁴¹.

Проблема субъекта в исламе обнаруживается и в том, что в отличие от иудаизма и христианства в нем отсутствует единая иерархическая структура, чётко сформулированная система догматов, ясные стратегические распоряжения основателя вероучения. Ислам порождает внутри себя многочисленные, но по статусу равноправные течения и группы. Так, по данным А.А. Игнатенко только в России зарегистрировано примерно четыре десятка духовных управлений мусульман. Бесперспективны, по мнению специалистов, и попытки исследователей найти некий общий знаменатель всех исламских направлений⁴². Отсутствуют и какие-либо сравнительные критерии истинности между теми или иными исламскими течениями⁴³.

Вопрос субъектности иллюстрируется также и словами Л.Р. Сюкияйнена о том, что позитивный созидательный потенциал ислама в социальной, духовно-культурной, образовательной и политической жизни России реализуется слабо и оказывает совершенно недостаточное влияние на процесс поступательного общественного развития и укрепления демократических правовых основ российской государственности⁴⁴.

Вместе с тем в политологической литературе мы можем найти труды, где речь идёт о субъектности ислама как таковой с толкованием её оснований. Так, В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов утверждают следующее. «Существует три основания для формирования субъектности исламского мира на цивилизационном уровне: его собственная культурно-историческая традиция, образ, формируемый Западом, и самоидентификация мусульманских общин, живущих в странах Европы и Америки»⁴⁵. Однако подобный подход страдает изъяном, который имеет принципиальное значение – в такой трактовке истоков «субъектности» исламского мира не учитывается её генетическая и основополагающая связь с религиозно-догматической сутью ислама.

⁴¹ Мирский Г.И. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. – С. 89–103

⁴² Игнатенко А. «Исламский» – что это значит? // «НГ-сценарии». 1997. № 6.

⁴³ Хвьяля-Олинтер А. Указ. Соч. С. 87.

⁴⁴ Сюкияйнен Л.Р. Указ. Соч. С. 38.

⁴⁵ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Указ. Соч. С. 31, 34.

³⁹ Абд-Эль Маши. Почему мусульманину трудно стать христианином? URL: // <http://mission-center.com/islams/abdel.htm>

⁴⁰ Lewis B. The Crisis of Islam. L., 2003. P. 88, 89; A Survey of Islam and the West // The Economist. 13.09.2003. P. 6.

Если следовать логике В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова, то мы вправе задать вопрос: что же тогда представляет собой ислам и его субъектность, если не учитывается его собственно религиозно-догматическая первооснова, её природа и её же особенности? Не лишает ли нас такой подход понимания того, что является главным в исламе? Ислам – это всего лишь «культурно-историческая традиция» с невнятным упоминанием «образа» и «самоидентификации»? Ответа на эти вопросы авторы не дают.

Президент Центра стратегических исследований Ш.З. Султанов в статье с характерным названием «Глобальный исламский субъект. Перспективы его формирования в условиях мирового системного кризиса» говорит об исламском мире как об «*эффемерном субъекте*» мировой политики: «в настоящее время исламский мир не является на глобальной арене каким-либо единым политическим субъектом со своей долгосрочной стратегией и согласованными механизмами ее реализации»⁴⁶.

Тем не менее, Г.И. Мирский считает ислам самой сильной религией в сегодняшнем мире по степени его укорененности в умах и душах людей⁴⁷. Эта укорененность, а также ментально-догматическое единство и цивилизационная солидарность исламского мира содержит в себе энергию непримиримого отрицания западного либерализма, рационализма, индивидуализма и секуляризма. «Ислам нетерпим... – полагает Л.С. Васильев, правоверные всегда отчетливо ощущают свое превосходство над неверными... Впитанное веками и опирающееся на всю толщу религиозно-культурной традиции такого рода высокомерное чувство превосходства и нетерпимости к неверным – одна из важнейших и наиболее значимых характерных черт ислама»⁴⁸.

Подводя итог рассмотрению исламского менталитета в контексте принципа субъектности, представляется возможным сделать вывод о том, что ислам не предполагает напряженную конкурентно-креативную деятельность *индивидуального* как, например, в протестантизме *субъекта*, раскрытие и интенсивную реализа-

цию его *личностных* интенций, способностей и возможностей. В этом, *субъектном* смысле ислам есть максимально *инертный* из всех догматических менталитетов и *a priori* не может составить реальную *качественную* конкуренцию ни иудейскому, ни христианскому политическим субъектам по всем аспектам стратегического взаимодействия в политике, экономике и военно-технической и иной сфере.

Казалось бы, весь полуторамиллиардный исламский мир, а также Индия, Китай, Индокитай и экваториальная Африка, составляющие абсолютное большинство человечества должны представлять собой ментально главенствующую основу мирового сообщества и задавать ему направление развития. Однако в этом аспекте о них даже не идет и речи, несмотря на очевидные успехи того же *языческого* и потому *бессубъектного* Китая, лидерские и гегемонистские потенции которого сильно преувеличены.

Реальными господами современного глобального мира выступают только ментально структурированные и малочисленные *субъектные* политические образования, опирающиеся на основы западно-христианского ментально-догматического мышления⁴⁹.

В то же время, ислам, несмотря на известные социальные и экономические проблемы, в наибольшей мере способен к осуществлению *экстенсивной* – массовой, расширительной, *количественной* политической экспансии таранного типа в глобальном масштабе. Сочетание абсолютной *догматичности*, которая имеет *аффективный, страстный, нетерпимый, жертвенный* характер, и абсолютной *бессубъектности* делает исламский менталитет в наступающей эпохе «религиозных масс» энергетически напряженным, пассионарным менталитетом. В своей «Истории западной философии» Б. Рассел писал о том, что догматические установки, связанные «с самыми утонченными и трудными для понимания теологическими вопросами», религиозных масс с давних времен имели огромное политическое значение⁵⁰.

Возможно, XXI век как продолжение эпохи либерализации, секуляризации и кризиса евроатлантической цивилизации станет очередной эпохой пассионарного взрыва ислама и его *экстенсивной* геополитической гегемонии.

⁴⁶ Султанов Ш. Глобальный исламский субъект. Перспективы его формирования в условиях мирового системного кризиса. URL: // <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=67&tek=8820&issue=231>

⁴⁷ Мирский Г.И. Исламский мир. 2013.

⁴⁸ Васильев Л.С. Указ. Соч. С. 187.

⁴⁹ Можаровский В.В. Указ. Соч. С. 165.

⁵⁰ Рассел Б. История западной философии. – М., 1993.

Проблемы, основания и возможности политического взаимодействия с исламом

... религия Мухаммеда еще имеет будущность; она еще будет если не развиваться, то распространяться. Постоянные успехи Ислама среди народов мало восприимчивых к христианству в Индии, Китае, Средней Африке, показывают, что духовное молоко Корана еще нужно для человечества.

В.С. Соловьев

Лавинообразный демографический рост, массовые формы политической активности, проявления религиозного экстремизма и фанатизма будут только нарастать. В последние годы более частыми становятся эксцессы террористически-суицидальной практики. Все эти процессы сопровождаются тотальным неприятием антропоцентрических установок Запада абсолютным большинством монотеистического мусульманского мира.

Проблемы исламской экспансии для христианской/постхристианской Европы – Франции, Великобритании, Германии, Италии, Испании и т.д. также будут усугубляться. И никто в этих странах не знает, что со всем этим делать. Активно исламизируется и набирает политический вес и военную мощь Турция. Мобилизует свой потенциал противостояния с Западом Исламская Республика Иран. Постепенно складывается ситуация, когда Запад с его *субъектностью*, креативностью, рационализмом, прагматизмом и с неадекватным «качеством» понимания ислама в недалеком историческом будущем рискует стать жертвой его нарастающего «количества».

Лидеры исламского мира уже вполне открыто заявляют о том, что «исламское возрождение не может быть начато без религиозной, а успешно продолжено и завершено – без политической революции». Такая установка провозглашается для того, чтобы сделать всю планету населенной только правоверными мусульманами⁵¹.

Ш. Султанов считает, что глобальной усиление ислама уже не остановить. По его мнению, глобальный кризис вызвал ускорение процесса «ревитализации» – возрождения и актуализации глубинных исламских ценностей и принципов, все более жесткого отказа от западного рационализма и секуля-

ризма. В среде интеллектуальных и религиозных элит исламского мира идет процесс маргинализации либеральных, светских и иных устремлений, активизируется стремление к долгосрочному религиозному самоопределению мусульманского сообщества. В расширяющейся фундаменталистской среде усиливается процесс все более жесткого противопоставления мусульманской системы ценностей деградирующей антропоцентрической западной нравственности.

Но реальность такова, что усиление ислама, его качество самой массовой и пассионарной религии не дадут ему возможность осуществить политической доминирование и воплотить идею «всемирного халифата» на планете по причине его особого *субъектного* статуса. В современном глобальном мире ислам не в состоянии креативно осуществлять *субъектную* экспансию по *интенсивному* информационно-политическому, научно-техническому, экономическому и военному типу.

В исламе нет ментально-догматических оснований и для формирования *субъектного* гражданского общества в его либерально-индивидуалистическом понимании. Нет и реальных оснований для формирования *субъектной* политической системы по европейскому образцу. Ни одно мусульманское государство до сих пор не развивалось по этому пути. Однако расширяющийся исламский более чем миллиардный мир в XXI веке рано или поздно потребует от Запада отказа от его ценностных претензий к нему. Претензий, которые предъявляются исламу в качестве безусловных и обязательных для исполнения истин, имеющих по сути протестантский, догматически обусловленный характер.

В отношениях с исламом западные субъекты политики сохраняют бескомпромиссную установку на безусловность и тотальность своих *субъектных* либеральных ценностей. При этом сохраняется устойчивая иллюзия возможности ментальной трансформации ислама. Это заблуждение обусловлено двумя важными моментами. Во-первых, стратегии мышления операторов власти англо-саксонского мира опираются на отличные от ислама ментально-догматические основания. Во-вторых, они не рефлексируют свои мессианские либерально-догматические установки, считая их вполне естественными и универсальными. Именно поэтому для современной глобальной политики, определяемой евроатлантическим гегемоном, который сейчас больше американо-атлантический, чем европейский, характерны неадекватные представле-

⁵¹ Орлов И.Б. Глобализация и/или исламизация // Материалы научного семинара. Выпуск № 5. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 75.

ния о якобы нарастающей *иррациональности* политических процессов в мире ислама.

Проблема взаимного непонимания Запада и исламского Востока усугубляется ещё и тем, что в мусульманском мире также усиливаются оценки западной политики как иррациональной.

Для преодоления проблемы мнимой *иррациональности*, субъектам англо-американской ментальной экспансии предстоит выработать *рефлексивный* подход к своим реальным политическим возможностям во взаимодействии с исламом. Политическая рефлексия предполагает переосмысление глубинных ментальных установок, как своего политического мышления, так и особенностей мышления различных мусульманских сообществ.

Но осуществить выход за пределы догматических установок мышления на новый уровень рефлексии для каждой из сторон чрезвычайно сложно, так как принятые ими сотни и сотни лет назад религиозно-догматические системы сформировали жесткие и *неосознаваемые* структуры массовой веры как *сверхсознательного* феномена, который и является основой менталитета. При этом необходимо учитывать, что основой любой ментальной системы является догмат, который по А.Ф. Лосеву «есть утвержденность вечных истин». И ни одна из сторон от своих вечных истин не намерена отказываться т.к. это будет совершенно недопустимый отказ от онтологической идентичности.

Ментально-догматические установки определяют кардинальные ментально-психологические и в итоге политические отличия трех глобальных миров. Это – мир ислама, мир христианского Запада и мир православного христианства. Все они длительное историческое время развивались в русле монотеистического закона. Каждый из этих миров отстаивает неизменные системы ценностей и по своему выражают свои цивилизационно-политические ориентации. Внутри каждого из этих миров относительно автономно, обособленно и весьма успешно в течение двух тысячелетий существует мир иудаизма⁵², главным покровителем и союзником которого является протестантская англо-американская коалиция.

Наиболее слабым в системе этих миров является *постправославная* и *постсоветская* Россия, пра-

влящие элиты которой как минимум дважды радикально отказывались от ментально-догматических оснований своей политической *субъектности*.

Первый *отказ* от *субъектности* проявился в разрушении православного догматического исповедания как ментального основания русской цивилизации. Этот ментальный распад, длившийся около двух столетий, в итоге привел к деструкции тысячелетней русской государственности и всего общества, его институтов, культуры, идентичности. Результатом была трагедия 1917 года, гражданская война и уничтожение православия как системообразующего компонента Российского государства.

Второй отказ, но уже от *субъектного* догматического атеизма был осуществлен партийно-номенклатурными элитами *постправославного* и *постсталинского* Советского Союза с *делегированием* политической *субъектности* лидерам протестантского Запада. Атеистические правители позднего СССР были не в состоянии предложить людям трансцендентальные и вечные ментальные основания общественного и политического развития, сформировать духовный иммунитет у советского народа против «растлевающего влияния Запада», его «идеологической диверсии» и «психологической войны» как форм ментально-догматической экспансии. К началу «перестройки» большинство населения Советского Союза было заражено мещанско-индивидуалистическими и инфантильно-потребительскими установками. *Постправославная* и *постсоветская* Россия под водительством «маньяков демократии» и идолов либерализма не приобретя внятных догматических оснований политики, продолжает ментально деградировать. Этот процесс более четверти века идет под аккомпанемент бесплодных разговоров о поиске «национальной идеи», обретения «общечеловеческих ценностей», развитии демократии, гражданского общества и проч.

А.И. Юрьев и В.В. Можаровский справедливо полагают, что система власти в мире, во всех странах становится все менее и менее эффективной, потому что учитывает весьма узкий спектр мотивов политического поведения. Так, до сих пор преобладает подход, при котором глубинные ментально-догматические и религиозные установки больших масс людей в системе политологического знания не изучаются и, как следствие, игнорируются⁵³.

⁵³ Можаровский В.В. Указ. Соч. С. 5–9, 222–231.

⁵² Ракитянский Н.М. Иудейский менталитет. Политико-психологическое эссе // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. 2013. № 4. – С. 55–81.

Кризис либеральной цивилизации, которая в свое время, поддавшись торгашескому азарту, променяла Библию на кодекс прав и свобод человека, усиливает позиции ислама с его способностью к массовому порыву и политическому действию. Западный мир с ускорением подходит к концу пути, который был задан в эпоху Реформации и Нового времени. Мусульманский Восток с его *эфемерной субъектностью*, исповедуя *монотеизм*, устремлен в архаическое прошлое, объективно обостряя конфликтное противостояние с *секулярным* Западом.

Вместо заключения

Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны, прежде всего, уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом.

Н. Макиавелли

Исламский Восток и евроатлантический Запад представляют собой две силы, противостояние которых в значительной мере определяло развитие человечества. Конфликтное взаимодействие этих сил в начале XXI века усиливается нарастающей *антихристианской* политикой в *постхристианском* мире, символом которого и высшей ценно-

стью стал безбожный человек. Разрешение фундаментальных противоречий цивилизаций не может быть достигнуто в рамках западного постхристианского догматического *субъектного* мышления с предоставлением исламу тех или иных преференций и выгод от торговли научными разработками и технологиями, оружием, взаимодействия с ним на основе либеральных, по сути секулярных ценностей, правовых норм и т.п. В стратегическом взаимодействии с ним могут эффективно работать совершенно иные законы и мотивации. Только перевод диалога в русло монотеизма, опора на его ценности и законы могут быть положительно восприняты внутри ислама и быть действенными и продуктивными в долгосрочной перспективе.

В современном мире Россия с её уникальным историческим опытом «славяно-тюркского синтеза» и традицией, по терминологии А.С. Панарина, «православно-исламского консенсуса» имеет реальную перспективу бесконфликтного взаимодействия с миром ислама. Основанием, возможностью и, наконец, реальным полем, на котором России в течение тысячелетия удавалось бесконфликтное существование с исламским миром, является монотеизм. В условиях глобализации, мирового кризиса и усиления активности ислама, для снятия потенциальной опасности в отношениях с ним, России вновь необходимо во всех ключевых вопросах внутренней и внешней политики опираться на основы православия, которые для ислама исторически *естественны*, психологически *приемлемы* и абсолютно *правомерны*.

Библиография

1. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. – М.: ИБВ, 2005.
2. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 4. – С. 31, 54.
3. Абд-Эль Маши. Аллах в исламе. – Корнталь-Мюнхинген.: Изд-во «Свет на Востоке», 1983.
4. Кеннеди Х. Великие арабские завоевания. URL: // <http://lib.rus.ec/b/222837>
5. Белокреницкий В.Я. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. – С. 89–103.
6. Мирский Г.И. Ислам: история и современность. 2010. URL: // http://www.hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Mirskij_2010.pdf
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Академический проект, 2008. – С. 134–135.
8. Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 6. – С. 90–103.
9. Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб.: ОВИЗО, 2002. С. – 83.
10. Умнов А.Ю. Глубинные корни фундаментализма. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. – С. 89–103.

11. Султанов Ш. Глобальный исламский субъект. Перспективы его формирования в условиях мирового системного кризиса. URL: // <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=67&tek=8820&issue=231>
12. Абд-Эль Маши. Почему мусульманину трудно стать христианином? URL: // <http://mission-center.com/islams/abdel.htm>
13. Хвыля-Олинтер А. Особенности радикальных направлений ислама // Материалы научного семинара. Выпуск № 5. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 83.
14. Зинченко М.С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса (на материалах Северного Кавказа): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2010.
15. Игнатенко А. «Исламский» – что это значит? // «НГ-сценарии». 1997. № 6.
16. Умнов А.Ю. Модернизм и фундаментализм. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции. / Отв. ред. – В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 103–110.
17. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания и социокультурной организации. Исторический опыт и российская ситуация // Материалы научного семинара. Выпуск № 5. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 47.
18. Изложение начал мусульманского законовещения. – М.: Адир, 1991. – С. 470.
19. Фурсов А. Конец постсоветской эпохи. URL: // <http://oko-planet.su/politik/politikmir/99505-andrey-fursov-konec-postsovetskoy-epohi.html>
20. Перевезенцев С.В. Русский выбор: очерки национального самосознания / С.В. Перевезенцев. – М.: Русский мир, 2007. – С. 318.
21. Ракитянский Н.М. Феномен и концепт сверхсознания в политической психологии // Мир и политика. 2013. № 6. – С. 236–235.
22. Перевозчикова Л.С. Становление субъектности как основополагающего принципа западноевропейского гуманизма // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. – С. 253–262.
23. Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной церкви. – М.: СЭИ. 1991.
24. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. – М.: Олма-Пресс, 2001. – С. 13–17.
25. Мирский Г.И. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. – С. 89–103.
26. Ракитянский Н.М. Иудейский менталитет. Политико-психологическое эссе // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. 2013. № 4. – С. 55–81.
27. Васильев Л.С. История Востока. – М., 2005.
28. Lewis V. The Crisis of Islam. L., 2003. P. 88, 89; A Survey of Islam and the West // The Economist. 13.09.2003.
29. Рассел Б. История западной философии. – М., 1993.
30. Манойло А.В. Специфика цветных революций «арабской весны». // Известия Уральск. Федерального Ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2013. №3. С. 30–36.
31. Орлов И.Б. Глобализация и/или исламизация // Материалы научного семинара. Выпуск № 5. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 75.
32. А. В. Манойло США и Талибан: стратегическое партнерство // Национальная безопасность / nota bene. – 2012. – 3. – С. 82–85.
33. В.В Бубликов. Исламизация Европы как следствие дехристианизации и демографического кризиса. // Тренды и управление. – 2013. – № 2. – С. 156–164. DOI: .10.7256/2307–9118.2013.2.5328
34. Т.В. Ломакина. К вопросу о происхождении вайнахов и особенностях их менталитета. // Философия и культура. – 2011. – № 4. – С. 88–96.
35. П.С. Гуревич. Знание и религиозный опыт. (Степанянц М.Т. Исламский мистицизм. М., 2009, тираж 5000 экз., 272 с.). // Психология и Психотехника. – 2010. – № 11. – С. 110–111.
36. Х.С. Киреев. «Исламский фактор» в этнополитических процессах на Северном Кавказе.. // Право и политика. – 2008. – № 5.
37. С.А. Мозговой. Коммуникационный менеджмент и мусульманское сообщество в России (выступление на конференции «Интернет в жизни мусульман современной России. Исламский контент»).. // Политика и Общество. – 2008. – № 1.

References

1. Landa R.G. Politicheskii islam: predvaritel'nye itogi. – M.: IBV, 2005.
2. Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. Islamskii mir i islamskie organizatsii v sovremennoi miropoliticheskoi sisteme // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2013. № 4. – S. 31, 54.
3. Abd-El' Mashi. Allakh v islame. – Korntal'-Myunkhingen.: Izd-vo «Svet na Vostoke», 1983.
4. Kennedi Kh. Velikie arabskie zavoevaniya. URL: // <http://lib.rus.ec/b/222837>
5. Belokrenitskii V.Ya. Islamskii mir: «otstayushchee razvitie» i musul'manskii radikalizm // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2008. № 8. – S. 89–103.
6. Mirskii G.I. Islam: istoriya i sovremennost'. 2010. URL: // http://www.hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Mirskij_2010.pdf
7. Losev A.F. Dialektika mifa. – M.: Akademicheskii proekt, 2008. – S. 134–135.
8. Rakityanskii N.M. Ponyatiya soznaniya i mentaliteta v kontekste politicheskoi psikhologii // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2011. № 6. – S. 90–103.
9. Mozharovskii V.V. Kritika dogmaticheskogo myshleniya i analiz religiozno-mental'nykh osnovanii politiki. – SPb.: OVIZO, 2002. S. – 83.
10. Umnov A.Yu. Glubinnye korni fundamentalizma. Islamskii mir: «otstayushchee razvitie» i musul'manskii radikalizm // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2008. № 8. – S. 89–103.
11. Sultanov Sh. Global'nyi islamskii sub'ekt. Perspektivy ego formirovaniya v usloviyakh mirovogo sistemnogo krizisa. URL: // <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=67&tek=8820&issue=231>
12. Abd-El' Mashi. Pochemu musul'maninu trudno stat' khristianinom? URL: // <http://mission-center.com/islams/abdel.htm>
13. Khvylya-Olinter A. Osobennosti radikal'nykh napravlenii islama // Materialy nauchnogo seminar. Vypusk № 5. – M.: Nauchnyi ekspert, 2007. – S. 83.
14. Zinchenko M.S. Politizatsiya islama kak faktor sovremennogo politicheskogo protsessa (na materialakh Severnogo Kavkaza): Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – Krasnodar, 2010.
15. Ignatenko A. «Islamskii» – chto eto znachit? // «NG-stsenarii». 1997. № 6.
16. Umnov A.Yu. Modernizm i fundamentalizm. Islamskaya tsivilizatsiya v globaliziruyushchemsya mire / Po materialam konferentsii. / Otv. red. – V.G. Khoros. – M.: IMEMO RAN, 2011. – S. 103–110.
17. Syukiyainen L.R. Musul'manskii opyt mirostroitel'stva: bazovye tseli i tsennosti, formy poznaniya i sotsiokul'turnoi organizatsii. Istoricheskii opyt i rossiiskaya situatsiya // Materialy nauchnogo seminar. Vypusk № 5. – M.: Nauchnyi ekspert, 2007. – S. 47.
18. Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedeniya. – M.: Adir, 1991. – S. 470.
19. Fursov A. Konets postsovetskoj epokhi. URL: // <http://oko-planet.su/politik/politikmir/99505-andrey-fursov-konec-postsovetskoy-epohi.html>
20. Perevezentsev S.V. Russkii vybor: ocherki natsional'nogo samosoznaniya / S.V. Perevezentsev. – M.: Russkii mir", 2007. – S. 318.
21. Rakityanskii N.M. Fenomen i kontsept sverkhsoznaniya v politicheskoi psikhologii // Mir i politika. 2013. № 6. – S. 236–235.
22. Perevozchikova L.S. Stanovlenie sub'ektnosti kak osnovopolagayushchego printsipa zapadnoevropeiskogo gumanizma // Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2008. № 3. – S. 253–262.
23. Losskii V. Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoi tserkvi. – M.: SEI. 1991.
24. Piko della Mirandola Dzh. Rech' o dostoinstve cheloveka // Antologiya filosofii Srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniya. – M.: Olma-Press, 2001. – S. 13–17.
25. Mirskii G.I. Islamskii mir: «otstayushchee razvitie» i musul'manskii radikalizm // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2008. № 8. – S. 89–103.
26. Rakityanskii N.M. Iudeiskii mentalitet. Politiko-psikhologicheskoe esse // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 12. 2013. № 4. – S. 55–81.
27. Vasil'ev L.S. Istoriya Vostoka. – M., 2005.
28. Lewis V. The Crisis of Islam. L., 2003. P. 88, 89; A Survey of Islam and the West // The Economist. 13.09.2003.
29. Rassel B. Istoriya zapadnoi filosofii. – M., 1993.

30. Manoilo A.V. Spetsifika tsvetnykh revolyutsii «arabskoi vesny». // Izvestiya Ural'sk. Federal'nogo Un-ta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki. 2013. №3. S. 30–36.
31. Orlov I.B. Globalizatsiya i/ili islamizatsiya // Materialy nauchnogo seminar. Vypusk № 5. – M.: Nauchnyi ekspert, 2007. – S. 75.
32. A. V. Manoilo CShA i Taliban: strategicheskoe partnerstvo // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2012. – 3. – С. 82–85.
33. V.V Bublikov. Islamizatsiya Evropy kak sledstvie dekhristianizatsii i demograficheskogo krizisa. // Trendy i upravlenie. – 2013. – № 2. – С. 156–164. DOI: .10.7256/2307–9118.2013.2.5328
34. T.V. Lomakina. K voprosu o proiskhozhdenii vainakhov i osobennostyakh ikh mentaliteta. // Filosofiya i kul'tura. – 2011. – № 4. – С. 88–96.
35. P.S. Gurevich. Znanie i religiozniy opyt. (Stepanyants M.T. Islamskii mistitsizm. M., 2009, tirazh 5000 ekz., 272 s.). // Psikhologiya i Psihotekhnika. – 2010. – № 11. – С. 110–111.
36. Kh.S. Kireev. «Islamskii faktor» v etnopoliticheskikh protsessakh na Severnom Kavkaze.. // Pravo i politika. – 2008. – № 5.
37. S.A. Mozgovoi. Kommunikatsionnyi menedzhment i musul'manskoe soobshchestvo v Rossii (vystuplenie na konferentsii “Internet v zhizni musul'man sovremennoi Rossii. Islamskii kontent).. // Politika i Obshchestvo. – 2008. – № 1.